

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ЗАМЫСЕЛ.....	12
МУЗЫКА.....	24
БАНДИТЫ.....	32
СЦЕНАРИЙ.....	38
ПРО УРОДОВ И ЛЮДЕЙ.....	44
БЮДЖЕТ.....	52
СЕЛЬЯНОВ.....	62
АСТАХОВ.....	72
АКТЕРЫ.....	84
БОДРОВ.....	106
КИНО НА КОЛЕНКЕ.....	116
ПРИЕМ И РЕЗОНАНС.....	134
ИДЕОЛОГИЯ.....	158
КИНО О КИНО.....	172
ЖАНР.....	184
МОСКВА: ГОРОД — АНТИГЕРОЙ.....	196
АМЕРИКА.....	204
НОВЫЕ СТАРЫЕ ГЕРОИ.....	216
САУНДТРЕК.....	224
КАМЕО.....	236
СМЕРТЬ.....	252
«БРАТ 3».....	270
БРАТ В КУЛЬТУРЕ И ТВОРЧЕСТВЕ.....	280

ВВЕДЕНИЕ

«Однажды Сергею Сельянову, продюсеру «Брата» и вообще всех фильмов Алексея Балабанова, позвонил человек из Казахстана. Он предложил вложить в съемки нового фильма миллион долларов. «Но с соблюдением ряда условий, — уточняет Сельянов, — чтобы был боевик, чтобы получилось с юмором и — человек, слегка замаявшись, добавил — чтобы фильм стал культовым, как «Брат»». Сельянов усмехается: «Говорю: конечно, вообще не вопрос».

«ДАВАЙ СДЕЛАЕМ ВМЕСТЕ КИНО» — именно с этой фразы начались многие фильмы Алексея Балабанова. С этими словами он обращался к Сельянову, оператору Сергею Астахову, актерам, участникам съемочной группы и прочим будущим соратникам. В большинстве случаев это срабатывало.

Диалоги «Брат» это касается особенно. Именно эти два фильма тесно вплелись в нашу культуру, национальное своеобразие и образ жизни. На протяжении 25 лет с выхода первого фильма этой истории посвящают киноведческие исследования и комиксы, собирают выставки с экспонатами и реквизитом и выпускают коллекции одежды, чтобы свитер Данилы мог примерить каждый. Цитаты из фильма давно ушли в народ, незабвенный вопрос «В чем сила?» затмил другую фразу, тоже про силу, из американской франшизы о «Звездных войнах». Про «Брата» делают стикеры и мемы, сочиняют пародии и фантазийные сиквелы, слагают песни и даже анекдоты — например, о том, как, поигрывая самострелом в руках, Данила Багров сообщает трясущемуся от страха собеседнику, что сила не в деньгах, а в Ньютонах.

БРАТ. Незабываемый герой

«Брат» стал тем самым фильмом, что так просто и ловко зафиксировал наш типичный национальный характер, одновременно поиронизировал над ним и тут же во многом его определил. Данила Багров стал героем не только своего времени, 1990-х, но и остался им на десятилетия вперед: до сих пор говорят, что на смену этому парню никто так и не пришел. Данила — сгусток наших лучших и худших качеств, который, руководствуясь поиском доброты и справедливости, может принести много вреда, и напротив, желая зла, совершает благо. Человек, взявший на себя полномочия защитника, судьи и палача и в то же время ставший таким по стечению обстоятельств: не мы такие — жизнь такая.

«Брат» хоть и остался народно любимой картиной, но разделил общество на две части — тех, кто обожает и боготворит Данилу, несмотря ни на что, мечтает видеть такого парня в качестве своего друга, мужа, конечно же, брата, и тех, кто рад бы от таких, как он, дистанцироваться, искоренить все признаки данилобагровщины из

жизни. Последнее кажется нереалистичным: можно сколько угодно говорить о том, что Данила – персонаж отрицательный и примитивный, берет на себя роль заступника и стреляет, не разобравшись, мечтает о мире, но живет как на войне, которую сам же и создает, но «Брат», вышедший в повторный прокат в 2022 году, неожиданно собрал 80 млн рублей.

Между тем писать снова и снова о «Брате» – затея непростая и где-то даже неблагоприятная. К несчастью, многие из тех, кто участвовал в создании картины, трагически погибли на съемках «Связного» в Кармадонском ущелье. А те, кто здравствует, рассказали уже все, что знали и смогли вспомнить. Даже Сергей Сельянов не упускает возможности в беседе упомянуть о своем равнодушии к прошлому, к тому, что было. Тем не менее есть и те, кто в очередной раз с удовольствием и искринкой вспоминает события тех дней, находит в глу-

бинах памяти новые детали и смыслы, исследует феномен популярности «Брата», гениальности Алексея Балабанова, родившего этот сюжет, и пытается снова и снова ответить на вопрос: а в чем же она, сила?

БЕРИ НОШУ ПО
СЕБЕ, ЧТОБ НЕ
ПАДАТЬ ПРИ
ХОДЬБЕ.

ЗАМЫСЕЛ

Сегодня фильм «Брат» кажется неотъемлемой частью творческой биографии режиссера Алексея Балабанова. Для многих она с него и начинается (у его первых картин аудитория не так широка). Мы говорим «Брат» — подразумеваем «Балабанов», говорим «Балабанов» — и в голову первым делом приходит «Брат», самый народный из его фильмов, ставший не только итогом десятилетия жизни постсоветской России, но неожиданно точно ухвативший характер русского человека и определивший национального героя, которого никто и не сменил даже 25 лет спустя.

Дембель, молчун и симпатяга, вернувшийся из горячей точки и в попытках вписаться в реальность ставший киллером, — сюжет, возникший, скорее, неожиданно, спонтанно. Хотя Балабанов всегда был довольно скрытен в отношении своих будущих картин, вряд ли замысел «Брата» он придумал давно и вынашивал долго, как это было с другими его сюжетами.

Для того чтобы понять, в каких условиях возник «Брат», посмотрим на те истории, которые Балабанов годами мечтал реализовать. Таких было две, и они казались совсем далекими от «Брата». Обе были экранизациями классики, обе упирались в практически непреодолимые препятствия в виде приобретения прав на литературный первоисточник.

Первая — набоковская «Камера обскура», права на экранизацию которой упрямо отказывался продать наследник Набокова. С ним вели переговоры журналист и телеведущий Леонид Парфенов, а также тогдашний глава издательства «Вагриус» и соучредитель компании «Премьер Видео Фильм», а позже замминистра по делам телевидения, радиовещания и СМИ Владимир Григорьев. Все безрезультатно.

«Они пытались его убедить, объяснить, что это Балабанов, просили посмотреть его фильмы, — рассказывает продюсер всех картин режиссера, глава кинокомпании СТВ Сергей Сельянов, который, вспоминая об этом, обычно гневется и с трудом сдерживает брань. — Но тот ни в какую. Сказал, что русским не продаст, потому что они ничего не сделают, и это было просто глупо. Спустя время он все же продал права одному пробовавшему себя в кино театральному режиссеру за большие деньги и с абсурдными условиями: фильм должен быть снят обязательно в Европе, но существовать в мире он может только на русском языке. Я и с этим режиссером вел переговоры, говорил: "Отдай нам". Он сначала не соглашался, пото-

му что очень хотел сам. Когда же наконец пришли к каким-то договоренностям, я узнал про отягчающие условия и удивился: "А что ты купил-то? Это как должно быть: у тебя, скажем, Джон Малкович будет по-русски разговаривать?" В общем, попытка не удалась».

Второй историей, которой грезил Балабанов, был роман Уильяма Фолкнера «Святылище». Наследники тоже не желали продавать кому-либо права, поэтому история с экранизацией книги тянулась годами. В итоге переработанный фолкнеровский сюжет все же угадывается в «Грузе 200» – пожалуй, самой мощной по восприятию картине Балабанова, которая привела в восторг одних зрителей и едва не довела до обморока других. Перессорила немало людей, вызвала скандал на «Кинотавре-2007», расколов надвое Гильдию киноведов и кинокритиков. Некоторые поклонники и друзья режиссера до сих пор шепотом признаются, что картину не видели, и добавляют, что либо не станут смотреть вовсе, либо сделают это, когда наконец соберутся с силами.

К слову, сам Балабанов напрямую о связи своего фильма с книгой Фолкнера не говорил, но многие не со-

мневаются, что режиссер вдохновлялся именно «Святылищем».

Незадолго до возникновения замысла «Брата» Балабанов трепетно носился с другим своим сюжетом – картиной о порнографии и Серебряном веке, которая сначала называлась «Ехать никак нельзя», а позже сменила название на «Про уродов и людей» и на пути к экрану пережила множество разных перипетий. Съемки фильма, действие которого происходит в начале XX века, требовали исторических реконструкций, аутентичных костюмов и декораций. Кино даже на первых подступах выглядело чересчур дорогим и совершенно точно некупаемым: было очевидно, что на такое не пойдут толпы зрителей, расчет делался, скорее, на фестивальную и высоколобую публику, а значит, для желающих инвестировать это было меценатством чистой воды. Делать искусство было классно, но времена были не те. Сам Балабанов это хорошо понимал, в интервью Нине

Нечаевой в журнале «Итоги» говорил: «Денег не было снимать интеллектуальные фильмы. А этот [«Брат»] мы сняли практически без затрат»¹.

У Балабанова были идеи, к которым он не испытывал привязанности: они мимолетно возникали и так же пропадали. Он загорался, но и быстро остывал. Например, хотел снять «Гиперboloид инженера Гарина», причем не роман целиком, а его первую треть, где появляется гениальный ученый Николай Манцев, собственно, придумавший гиперboloид, который впоследствии сконструировал его ученик Гарин.

« Там несколько страниц этому посвящено, — вспоминает Сельянов. — Что Леша собирался делать, мы подробно не обсуждали, постепенно задумку отложили. Такое случилось, и, если мало-мальски серьезных шагов на пути к реализации идеи он не делал, все забывалось. Или же они с Бодровым постоянно говорили про инопланетян: "А давай что-нибудь снимем про них?" — "А давай!" И вот этим "А давай" все заканчивалось. Забавляла их эта мысль, и, думаю, не более того. Таких сюжетов было два-три».

---

¹ Алексей Балабанов о Войне, Уродах и Людах / Н. Нечаева. Интервью журналу «Итоги». М.: Справочно-информационный интернет-портал Кинотека, 2002. Режим доступа: https://cinema.rin.ru/cgi-bin/main.pl?action=article_view&id=290.